

На могилах неизвестных солдат лежат цветы, горят неугасимые огни.

Так Запад чтит своих героев, своих защитников, сложивших свои головы за родину.

А мы?

Кто же и когда преклонит колена перед дорогими могилами защитников наших Казачьих Земель? Кто же и когда в наших столицах на соборных площадях упокоит кости неизвестного казака, погибшего за честь, за волю Казачества?

Кто же и когда зажжет над ними неугасимый огонь, положит на них живые цветы, принесет венки, кто и когда будет устраивать возле них парады, совершать народно-казачьи праздники, праздники победы и освобождения? Кто и когда позволит это сделать?

Никто и никогда.

Сделать это можем только мы казаки, кому действительно дорога память погибших. Только мы одни, освободившись наконец от московской тирании, от московских завоевателей, убивающих всякую память о наших героях, считающих их своими врагами, создадим им памятник, понесем ему цветы, зажжем светильники. Только мы казаки!

Но для этого нужно освобождение.

Казак.

Из переписки двух калмыков.

I.

Дорогой друг Соя!

Твое письмо, как всегда, обрадовало меня, тем более ты давно что-то не писал, но потом, содержание твоего письма заставило меня сильно призадуматься на целых два дня. Ты просил меня, прежде чем тебе писать мой ответ, хорошенько подумать. Так вот, я думал два дня, может быть, этого не достаточно, может быть, еще не раз нам придется говорить на эту тему, я не ставлю окончательных точек, но пока отвечаю тебе по затронутому тобой вопросу и отвечаю совершенно искренно.

Я абсолютно согласен с тобой, что положение нашего народа в данное время исключительно тяжелое, что все хорошее и ценное, как патриархальные семейные устои, как взаимная братская любовь и доверие, бескорытность, религиозность, порядочность, все и все у него разрушено, что хозяйственно все ограблено и что всем верным сынам нашего народа, по силам и способностям, надо приложить максимум усилий, чтобы вывести наш народ на путь оздоровления и возрождения. Я также согласен, что для этого национальная самостоятельность — один из важных залогов к успеху. Дело хорошее, что и говорить. Не думаю, чтобы нашелся хоть один сознательный калмык, который был бы против таких твоих стремлений, точно также, как и я.

Но, одно дело, дорогой Соя, искать пути и возможности и другое дело найти верный путь и твердо стоять на нем, ибо может попасться такой, что заведет тебя вместо свободы и простора в глухой бор, откуда ты не будешь знать, как и выбраться и вместо пользы своему народу невольно принесешь вред.

Я не говорю, что путь, избранный тобой, именно таков. Конечно, еще ничего неизвестно. Также не могу рекомендовать другой, по моему мнению, более правильный, так как у меня его еще нет; надо еще подумать, разобраться, пораскидать умом, надо проявить большую осмотрительность и осторожность, а то, знаешь, как бы чего не вышло.

Вольно-Казачье движение, к которому ты так решительно и бесповоротно примкнул и в котором видишь верный путь для улучшения судьбы нашего народа, меня интересует, но проявить такую решительную симпатию как ты я не могу, ибо слишком, мне кажется, дело рискованное, слишком мало шансов на осуществление, а кроме того, мое личное положение таково, что не могу без риска для своего данного положения, заниматься такими остро-политическими делами. Ты знаешь, что живу и работаю среди русских, которым безусловно не понравится такое течение, как самостийное, а между

ними у меня есть хорошие соседи, с которыми не хотелось бы портить отношения.

Таким образом, ты видишь, мой дорогой, что я принципиально не против твоего убеждения и стремления найти в свободном Казачестве свободное существование нашему народу, но я мало верю в возможность осуществления твоих целей, во-первых, а во-вторых, и мои личные моменты разреши мне принять во внимание. Путь твой слишком опасен, решителен, а что выйдет — неизвестно. Я, конечно, ни словом, ни делом не буду бороться против вашего движения, буду следить, если что запохожится и примкну, но пока не сердись, не могу быть твоим спутником. Моя личная дружба с тобой, надеюсь, продолжится, „старый друг лучше новых двух“ и нельзя дело политического убеждения смешивать с делом личной дружбы и личного взаимоотношения. Прими привет. Дай Бог тебе успеха.

Твой друг Болгамджи Тушанов.

1930 г. Франция.

II.

Милый мой Болгамджи!

Настоящим письмом я решил излить тебе все мое возмущение по поводу рассуждений в твоём письме. Я совершенно отказываюсь тебя понять... Что за рассуждения? Короче говоря, ты вот что пишешь: „Гм... знаешь... я сочувствую твоему стремлению к национальной свободе нашего народа, понимаю, что это было бы хорошо, но страшно как-то, что скажут русские, если узнают, что мы хотим свободной жизни, они ведь не любят, чтобы закабаленные ими народы думали о свободе, опасно все это, надо осторожно, тактично... ну, а ты не обижайся на меня, что не могу помочь в этом деле. Я еще не знаю, что выйдет из вашей политики, но так как собственного пути у меня еще нет, то если из вашего дела что-нибудь начнет выходить, то и я примкну“.

Согласись, что суть твоего письма именно такова. Согласись и вдумайся хорошенько в свой ответ и скажи: Достоен ли он честного патриота калмыка, сознательного и интеллигентного человека, каковым я тебя всегда считал и, вероятно, сам себя считаешь.

Во-первых, ты согласен, что положение нашего народа настолько катастрофическое, что действительно нужно проявить максимум усилий для улучшения этого положения, а сам тут же советуешь осторожность, боишься как бы чего не вышло“. Где же логика! Неужели ты уподобился Чеховскому человеку в футляре? Ведь это он всегда и во всем повторял: „как бы чего не вышло“. Какая может быть надобность в сугубой осторожности, когда народ буквально гибнет, когда положение дальше хуже уже не может, когда налицо такое состояние, что нельзя ни перед чем останавливаться, чтобы помочь ему. Терять нам уже в национальном смысле нечего, в худшем случае будет продолжение того, что было и что есть и, поэтому, нечего бояться.

Кроме того, нужно помнить, что всякая борьба за национальное освобождение, всегда и везде сопровождалась жертвами, без этих жертв не была добыта ни одна свобода и народ, не давший сына, готового идти на плаху за его право и свободу, действительно еще не достоин свободы.

Потому и думать нечего о том, чтобы и жизнь не подвергать опасности, теплое место не потерять, да еще с русскими отношения не испортить и свободу национальную обрести. Надо раз и навсегда решиться на одно из двух: или ищи и добивайся всеми средствами национальную свободу и связанное с ней сносную и достойную народа жизнь и, следовательно, рискуй не угодить эгоистичным элементам того народа, который не заинтересован в твоём освобождении, или, ставя дороже интересов своего народа интересы свои личные и хорошее состояние духа твоих соседей, добрые отношения с ними, навсегда примиришься с закабаленным положением своего народа и способствуешь скорейшему его поглощению сильными соседями. При чем, я должен указать, что всякий честный русский человек, ценящий справедливость не станет спорить против нашего права на самоопределение своей народной жизни.

Ты много пишешь об опасности и рискованности избранного мною пути и незначительности шансов на успех. А где же ты найдешь безопасный путь борьбы народа за свое освобождение и, главное, чтобы и отдельные лица не рисковали бы ничем?.. Борьба есть борьба, та же война, только в другой форме, требующая большего искусства, чем поле брани. Как же ты в войне с большевиками боролся, убивал, как помнишь, сам не раз рисковал быть убитым, неужели только потому, что командир полка посылал?.. А вот тут, когда за судьбу родного народа, за возможность обрести ему свободу, человеческое право, нужно и можно поставить на карту все, ты боишься, что место свое нынешнее потеряешь и что твои русские соседи будут недовольны. Стыдно и горько за тебя!..

Я совершенно не понимаю и не принимаю такого отношения к вопросу национальной свободы, как твое. По моему или ты — сын своего народа, отца, матери, или ты сознательный предатель, жалкий эгоист. К какому разряду себя отнести — дело и возможность каждого. Вообще я тебя не угадываю, весь ты стал какой-то мягкий, так и кажется, что ты все время ходишь на цыпочках, боишься резких движений, чтобы не обеспокоить соседей. Ты прости меня за такую резкость, но пойми мое состояние, знавшего тебя иным, а не таким блуждающим в трех соснах, не таким опасливым и не столь ценящим „нынешнее положение“. Что значит твое или мое личное положение в сравнении с интересами целого народа!?. Неужели это разлагающее влияние времени и растлевающее действие среды?.. А я, бедный и наивный человек, на первых порах, когда создавалось наше национальное движение, одним из видных наших членов и товарищей даже руководителем считал тебя и теперь мне приходится только разводить руками.

У меня есть друзья и не только политические, к нашему движению примкнули и одобрили лучшие наши люди и силы, даже наши сознательные женщины сочувствуют нам и шлют свои благословения, но все же я соболезную о потере тебя, как политического друга, в дополнение к личному. Потом, ты написал ужасно скверную вещь, пока этому я не нахожу названия. Ты пишешь, что у тебя нет собственного, избранного тобою пути спасения нашего народа и поэтому, если мол, ваше дело будет выгорать, я примкну.

Спасибо тебе за откровенность, но такой подход просто постыден. Ты пишешь о незначительности шансов. А по моему, национальное освобождение — настолько неотъемлемое и элементарное право каждого народа, что если бы даже из тысячи шансов был бы хоть один за успех, каждый сознательный калмык, не колеблясь, должен пойти на борьбу за этот один шанс. Потом, разреши тебе сказать откровенно, что если у нас что-нибудь выйдет или за исполнение наших чаяний были бы все сто процентов, то тогда каждый дурак и трус к нам примкнули бы. Такое примыкание не имеет никакой цены в деле создания возможностей к осуществлению нашего стремления.

Ты пишешь, чтобы я спокойнее отнесся к твоему отказу от совместного политического сотрудничества, обещаешь сохранить личную дружбу и просишь последнюю не смешивать с политическим единомыслием. По

моему это абсурд. Во-первых ты неудачно применяешь к нашему течению, к моему убеждению термин: „политический“. Нельзя нас, калмыков-самостийников, сравнивать с членами и последователями обычных русских политических партий и их учений. Там, будь-то эсер, эсдек, монархист, к-д и т. д. — все они русские националисты и в этом они едины. А мы, не есть последователи ни тех, ни других, ни третьих, а калмыки националисты, ни к одной политической партии мы не принадлежим, кроме партии преданных своему народу калмыков, готовых бороться за его право до конца.

И вот ты не хочешь быть в рядах этих людей из за незначительности шансов на успех, из за боязни испортить отношения с русскими соседями и вообще „как бы чего из этого не вышло“. А рядом с тобой есть люди понимающие мое стремление и готовые дать свои силы и жизнь за возможность осуществления нашей цели и ты подумай о том, на самом ли деле „старый друг лучше новых двух“, по данному моменту и по данному вопросу, по вопросу добиться нам национальной свободы или не добиваться вообще из за трудности разрешения этого вопроса?..

Ты, по моему слишком обывательски рассуждаешь. Если бы все калмыки точно также рассуждали бы и их можно было бы оправдывать, то Кануков и Гордавинов, сделавшие у большевиков, т. е. на несчастье своего народа, головокружительные личные карьеры, должны молить о вечности коммунистической власти, а мы должны были бы понимать их и умиляться.

Но слава Богу, у нас были не только Гордавинов и Кануков, но был и Кирсан Илюмжинов, который, по простоте своей, пойдя с большевиками, дойдя там до положения начальника кавалерийской дивизии, покончил с собой, когда увидел, что дают его народу большевики, когда увидел на площади Великокняжеска сотни трупов женщин, детей и стариков-калмыков т. е. перед лицом общенационального бедствия, одним из виновников которого он невольно явился, пренебрег не только своим положением, но и жизнью...

Вот кажется все, что я хотел сказать тебе по поводу твоего письма. Пойми меня и не суди за резкость. Мое проснувшееся национальное самосознание, национальное самолюбие настолько сильно, что не могу равнодушно говорить с людьми не желающими меня понимать. Особенно трудно мне доказывать все это тебе, которого считал одним из смелых и сознательных сынов калмыцкого народа. Если бы я не знал твою добрую душу и твою любовь к своему народу в прошлом, то я и не стал бы с тобой так долго говорить. Что же... предатели и изменники всегда и у всех народов были и будут и обнаружение такового хотя бы в родном отце, не заставит долго меня раздумывать и колебаться. Но в отношении тебя я надеюсь на скорое твое пробуждение и угрызение твоей совести и не теряю надежды увидеть тебя в рядах верных сынов своего народа, народа достойного, чтобы лучшие сыны его клали за него голову.

Шлю привет. Пиши чаще, авось и договоримся.

Твой друг Соя Аранов.

Сетль-Бар. Турция. 1930.

Международная жизнь.

Новый король Румынии.

Политические события сложились так, что 4 янв. 1926 г. королевским декретом своего отца, Фердинанда I, наследный принц Румынии Карл был отрешен от своего наследственного права стать королем Румынии после смерти отца, был лишен всех княжеских прерогатив, был разведен с женой и был выслан из пределов Румынии, с запретом не возвращаться в нее в течение десяти лет. Наследником румынского королевского престола тем же декретом был объявлен четырехлетний сын Карла, Михай (внук Фердинанда I). Спустя год, король Фердинанд I умер. Королем

Румынии стал пятилетний Михай, а в виду несовершеннолетия короля было образовано регентство, состоящее из трех членов: принца Николая (младшего сына умершего Фердинанда I) Патриарха Румынии и одного лица, избирающегося преимущественно из высшей юридической иерархии.

Румыния — конституционное королевство — такой высшей государственной властью управлялась до 8 с. июня.

За эти четыре с половиною года изгнания принца Карла либеральная партия (изгнавшая его) успела пасть и к власти полтора года тому назад пришли национал-царанисты, большие противники либералов. Де-